

Совок и в Африке совок

АНДРЕЙ КУЧАЕВ

Совок - и в Африке совок

Библиотека журнала «ЛЕв» пополнилась ещё одной хорошей книгой. Не так давно я перечитывал «Потомок Вирсавии», вот уже на моём столе роман, который украсил бы любое издательство. Но постоянный автор «ЛЕва» и «Мостов» И.Шестков издаёт роман «дома». Это смотрится естественно и убедительно: отличный дизайн, великолепная бумага, внятный, изящный шрифт. Заметим попутно, что и пилотный журнал и «Мосты» выглядят нынче едва ли не лучше других изданий на русском языке в Европе. Считайте, что эти вводные слова продиктованы, помимо прочего, ещё и моим желанием оттянуть приятный момент, когда можно искренне и от всей души порадоваться, что внутри глянцевой обложки со скорбным ликом «фаюмского» портрета заключён превосходный текст.

Рассказы И.Шесткова читаются одним духом. Их всего в книге тридцать четыре, среди них и уже читанные прежде в упомянутых изданиях. В книге они читаются даже с большим интересом, чем прежде. Это - магия сборника. Собранные вместе вещи раздвигают рамки восприятия читателем мира автора. А мир этот не из ласковых и розовых. Это - ад. «Ужас жизни заключается не в том, что любая фантазия может стать твоей тюрьмой, неожиданно материализовавшись, а в том, что эта материализация может быть половинчатой, мнимой. Взлетев, страшно не упасть, а навсегда застрять в воздухе».

Развёрнутую метафору я привожу здесь полностью, потому что она позже открывает нам отношение автора к нашему с вами существованию. Некая наша «половина» по Шесткову осталась «там», в России, где она ведёт призрачное существование, блуждая в оставленном детстве, натываясь на обломки того, что называлось нашей жизнью. Может быть, не стоило уезжать? Тем более что

второй, уехавшей половине кричат: «Зачем ты сюда приехал?» «Вон!» «Подохнешь, как пёс!» - отзывается Россия. Автор заключает: «Эти истошные крики, этот визг валькирий и лай Цербера не так уж страшны - так кричит вожденная свобода, это голос освобождения от фантомов государства, национальности, религии. Приветствие серафимов, посылаемое переплывшему Стикс».

Заметили? Какого рода свободу обрели герои Шесткова? Ведь среди «фантомов», от которых освободил их переезд через Стикс с Хароном-Шестковым, есть и жизненно необходимые. По прочтении «Африки» понимаем, что в том виде, в каком эти понятия существовали в «совке», они были не «фантамами», а атрибутами Преисподней. Вот каким пафосом наполнена книга. Сам стиль, творческий метод, или манера, автора - «адская» музыка. Зависнув в пространстве своего вымысла, автор делится с читателем тем ужасом, какой ему открылся. Что это? Проклятие той печати, которую наложила на нас прошлая жизнь в тисках тоталитаризма, цензуры, партийного диктата и оголтелого шовинизма? Или это - качество жизни вообще? Качество, открывшееся автору в его «зависании»? Шестков отвечает: «Величественный фантом третьего Рима, мираж, выстроенный Сталиным и его последователями, рассыпался в прах. На нас глянули свинцовые глаза правды. Ведь это не СССР разрушался, а мы - его дети, его тело». Сразу заметим, что если бы можно было «отряхнуть» этот «прах с своих ног», то не было бы этой книги. Не было бы автора - Игоря Шесткова.

И не было бы у нас ещё одного свидетельства о нас самих. Диагноза. Анамнеза болезни.

В прошлом ли осталось фантастическое видение - восставшие из могил жертвы режима, которых зарыли на Донском кладбище тайком? Они обступают автора в рассказе «Видение». Если в прошлом - ладно, чур нас! - но сам факт, что автор считает «видение» отнюдь не вымыслом, а реальностью, говорит нам его устами о том, что так легко мы не отделаемся за своё безмолвное «соглядатайство». Они - с нами. Мы привезли способность не только помнить - видеть, из чего мы состоим. И такая наша способность требует от нас быть и дальше пристальными,

чтобы видеть мертвецов, зарытых и восставших. И готовящихся восстать, коли бдительность будет потеряна. Автор не просто пугает, он вооружает, навязчиво призывает к этой бдительности. «Все вы тут - сталинские ублюдки!!!» - кричит бесноватый на Ленинградском вокзале. Народ цепенеет на мгновение. «Через секунду все шли дальше, суетились и уже не слушали истошных криков». Показательная сцена. Автор наблюдал её мальчишкой, в шестидесятых. Я бы назвал эту сценку «Крик вопиющего в Оттепельной Пустыне». Десятком лет раньше - доброхоты повязали бы бесноватого крикуна, потом другие «доброхоты» из МГБ - расстреляли бы. Во время же, когда мальчик это видел - вероятно, без шума земли и припаяли пятнадцать суток. Но автор «видит» и делится с нами сегодня. И его волей сегодня этот крик раздаётся на Ленинградском вокзале. Заметут? Заведут за угол и изуродуют? Сегодня вряд ли - не ларёк же «крутого» подломил... А вот завтра...

Такими «видениями» полнится книга, на такие размышления наталкивает. И вспоминает автор не где-нибудь, а в центре Европы, в «городе К.». Так что же, он обрёл покой писатель? Он счастлив просыпаясь в своём новом жилище? В городе К., где живёт его герой? «Вокруг меня простирался безрадостный индустриальный пейзаж. Полумёртвый город К. показывал мне свой гнусный оскал». Не так просто избавиться от прошлого, от себя, который состоит из прошлого тоже, и не может быть обманут внешним благополучием страны, о которой тоже есть, что вспомнить. А когда обладаешь пристальностью пережившего то, о чём пишет Шестков, не будешь уже бездумно и сыто счастлив. «Я смотрел ему (демон-А.К.) в лицо. В пустоту. И видел в ней самого себя. Видел тысячи живущих во мне злых духов». Автор не заблуждается насчёт своего «лирического» героя. Живуч, однако, «совковый» человек! В этом же рассказе - «Силуши» - родня пришла проводить в последний путь бабу. Священник, отец Ермилий и родственники напиваются до скотства. Внук пытается жрать раков живьем, напомнив гроев «Мелкого беса» Соллогуба. «А умирающая не умерла. Приходила и выстаивала длиннейшие литургии отца Ерми-лия». Что ж, народ - страстотерпец «всё так же широк в плечах и щедр душою», как пародирует патриотизм И.С. Тургенев сто лет до Шесткова.

Название - «Африка» - всей книге дал, пожалуй, самый страшный рассказ сборника. Вот его начало: «Советский специалист! Красиво звучит? Говно на лопате!» Так представляет героев рассказа, наших недавних соотечественников, автор. Я не случайно вынес в заглавие этой заметки слово «совок». Автор щедро (совок-лопата!) уточняет это понятие. В мастерски написанном монологе одного из «совков», направленных для «помощи» развивающейся африканской стране, открывается фантастическая в своём цинизме картина нравов специалистов-интернационалистов, далеко переплюнувших любых охотников за черепами. «Скаल्प домой привезёшь. Или череп. Из мошонки кошелёк сшить можно». Кто это говорит? И по какому случаю? Это «сов. специалисты» собираются на «сафари», где всерьёз намерены пострелять местное население - пигмеев, а заодно позабавиться с их жёнами и детьми. Когда это происходит? Практически в наши дни. С кем? С теми, кто был в пионерии и комсомоле, кто получал инструктаж в спецотделе. Кто постоянно говорил о готовности привести к коммунизму всех братьев, меньших и совсем маленьких - пигмеев. Монолог написан с тем мастерством, которое не позволяет сомневаться в его подлинности, если не буквальная (охоты так мы и не дождёмся), то художественной, то есть правдивый вдвойне: лексика, шуточки, «заходы» - вождения этих монстров одновременно заставляют и ужасаться и узнавать обыденное, знакомое по военным кампаниям отдачи «интернациональных долгов» в разны уголках мира - от Анголы до Чечни. Шестков заканчивает даже страшнее, чем могло бы быть. Его герой растворяется в мороке джунглей - он превращается сам в босплотный дух, не выдержав обыденности кошмара будней. Шестков открывает, мне кажется, свой, ни на чей не похожий художественный метод: он самый бездонный и чёрный ужас делает менее страшным, чем та действительность, которая его породила. Возникает чувство, что, «сочиняя», он одновременно открывает читателям источник фантазии - сознание и подсознание «совка», нового, выведенного режимом советской власти, даже не «шарикова», а какой-то новой разновидности человека.

Автор, смелый экспериментатор в «поисках жанра», способах построения образов и горизонтов художественного мышления, Игорь Шестков идёт на риск

постановки эксперимента на себе. Повествуя от первого лица, он создаёт иллюзию «исповедальной» достоверности, когда он превращается в участника зловещего карнавала, персонажа, которому хочется сострадать, как жертве, но и за которого страшно - выжила ли его душа после таких испытаний? Современная проза сплошь и рядом предлагает нам такие образцы - Шестков в этом смысле может встать в один ряд с самыми современными писателями, кто пишет, не пытаясь спрятаться или нарядиться в резонёрскую или менторскую тогу. К таким беспощадным и беспросветным рассказам относится и знакомый читателям «ЛЕва», наверняка запомнившийся им и смутивший многих «Аленький цветочек». Это рассказ-аллегория. Срывание маски с очередного «совка»-жертвы и «совка»-палача, извращенца, символического оборотня. Человек-волк из бродячего голливудского, а когда-то готического сюжета, он почему-то очень легко умещается в совковую действительность, становится жутко узнаваемым, знакомым и, что самое ужасное, - вынесенный произволом автора из прошлогло, он прочитывается удивительно современно. Вся проза Шесткова читается как современная, этому помогает не только осведомлённость автора и о современных буднях России (он навещает страну исхода), но и мистически угаданный контекст российской жизни, который доносится до нас, грешных, через прозу Сорокина и кампании и передачи «типа» «Вне закона» Первого канала Российского ТВ, если у кого хватает мужества это смотреть. Леденящий душу и с виду невинный рассказ «Волька» - о суррогатной любви. Жена героя рассказа Эля уходит от него к режиссёру Марку, оставив Вольку вместе с их слабоумной дочерью, которую он любит. Девочка умирает, герой эмигрирует, делает карьеру. Но любовь к слабоумной умершей дочери герою, уже в эмиграции, удаётся заменить только любовью к резиновой кукле, точной копии дочери. Казалось бы, автор сгущает, громоздит ужасы: измена жены, слабоумие и смерть дочери, тень инцеста. Однако все эти страсти - не самоцель, а лишь точная прелюдия к главному: в письме с Родины мать сообщает: «Эля, её муж и двое их детей зверски убиты». Мать просит денег даже не на их похороны - их похоронили за счёт театра - а на погребение умершего мужа, отца Вольки, который до того «ушёл из дому». «Похоронить не на что, урна так и стоит в шкафу». Что это? Не превышение ли допустимого хорошим вкусом уровня

«чернухи»? Ничуть нет. На это намекает смиренный тон материнского и шестковского письма. Действительность страшнее вымысла. Потому она уже не пугает, не страшна. Она - норма. Думать надо было раньше. И проотестовать. Теперь только результаты. «Твоя мама этой власти служит. Дедушка Пиня за неё с фашистами сражался. Проливал кровь. Дедушка Сеня не воевал, он в органах работал. Говорят, есть проклятье такое - потомки палачей дураками рождаются... А у нас дураков-то и нет. Одна дурочка есть. Но она - самая сладенькая... Чтобы я без тебя делал? Весь мир мне чужой... Ени-ки-беники!». Это приговаривает Волька дочке в начале рассказа. И в конце, получив страшное письмо, продолжает этот уже безумный бредок: «Вышел месяц из тумана... Тик-так, тик-так... » Нет, он не сходит с ума, потому что безумие и реальность давно слились, неотличимы, ужасы притворились (претворились?) жизнью давно, пользуясь тем, что люди сочли это нормальным.

Автор «Африки» не склонен сгущать, как когда-то делала Людмила Петрушевская, которая первой начала открывать кулисы «совка», чтобы мы увидели, как монстры гримируются людьми. Если кто следит за театральной жизнью «там», он знает, что Петрушевская сама стала довольно успешной писательницей и, таким образом, персонажем этой чудовищной комедии. Она сама не заметила, вероятно, этого, надевая утрированную шляпу с цветочной клумбой себе на голову. Помните, я цитировал автора в начале этой заметки? «Ужас жизни заключается не в том, что любая фантазия может стать твоей тюрьмой, неожиданно материализовавшись, а в том, что эта материализация может быть половинчатой, мнимой... » Такова нынче на российском экране первая «чернушная» писательница - она же - что-то из страшной сказки. Шесткова надо читать, не только потому, что он хороший писатель, но и потому, что он посылает сигнал тревоги: ужасы и не думают кончаться! Выход? Может быть, всё-таки есть спасение? Что-то, во что можно верить? Ещё цитата: «Рушилась моя так и не окрепшая вера. Отлетала к чертям. Вот она, правда - грязное русское кладбище, голосащие бабы... И вся церковная галиматья нестот и ржавой копейки. И не будет никакого "православного царства". Всё будет, как

всегда было. Из одного рабства - в другое. Уезжать надо? Боже, куда уезжать? А что, если везде так?..»

Всё-таки автор сделал выбор, как все мы, написал здесь и издал вторую книгу. Не знаю, насколько такая книга возможна сегодня «там». Насколько там возможна жизнь.